

УДК 82-32
ББК 84(2=411.2)6

DOI: 10.31862/1819-463X-2023-4-19-26

МИФОЛОГЕМА «ДОМ» В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ II ВОЛНЫ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Р. БЕРЕЗОВА)

А. А. Петрова

Аннотация. *Статья посвящена репрезентации образ дома, одной из доминант русской культуры, в творчестве писателей-эмигрантов. В литературе русской эмиграции он приобретает особый трагический характер и по-разному осмысливается представителями разных волн. Однако можно выделить типологические черты, объединяющие писателей-эмигрантов: автобиографизм повествования, ностальгические мотивы в изображении России, апокалиптическое восприятие потери связи с домом. Анализ творчества Родиона Березова, представителя второй волны, раскрывает основные способы реализации мифологемы в прозе послевоенной эмиграции и позволяет проследить трансформацию восприятия потери дома эмигрантами разных волн. Новизна исследования обусловлена отсутствием исследований литературы второй волны эмиграции в контексте указанной проблематики.*

Ключевые слова: *русская литература, литература русского зарубежья, вторая волна эмиграции, мифологема, дом.*

Для цитирования: *Петрова А. А. Мифологема «Дом» в творчестве писателей русской эмиграции II волны (на примере творчества Р. Березова) // Наука и школа. 2023. № 4. С. 19–26. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-4-19-26.*

© Петрова А. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE MYTHOLOGEME “HOME” IN THE WORKS
OF RUSSIAN EMIGRATION WRITERS
OF THE SECOND WAVE
(USING THE EXAMPLE OF R. BEREZOV'S WORKS)

A. A. Petrova

Abstract. *The article is devoted to the representation of the image of home, one of the dominants of Russian culture, in the works of émigré writers. In the literature of the Russian emigration, it acquires a special tragic character and is interpreted differently by representatives of different waves. However, one can single out typological features that unite émigré writers: autobiographical narrative, nostalgic motifs in the depiction of Russia, apocalyptic perception of the loss of connection with home. The analysis of the work of Rodion Berezov, a representative of the second wave, reveals the main ways of implementing the mythologeme in the prose of post-war emigration and allows us to trace the transformation of the perception of the loss of home by emigrants of different waves. The novelty of the study is due to the lack of literature studies of the second wave of emigration in the context of this issue.*

Keywords: *Russian literature, literature of the Russian diaspora, second wave of emigration, mythologeme, home.*

Cite as: Petrova A. A. The Mythologeme “Home” in the works of Russian Emigration writers of the Second Wave (using the example of R. Berezov’s works). *Nauka i shkola*. 2023, No. 4, pp. 19–26. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-4-19-26.

Мифологема дома, архетипичная в своей основе, является базовым компонентом русской национальной ментальности, поскольку одновременно вбирает в себя культурные знания нации и раскрывает ее этнический потенциал. Фундаментальный образ дома в русской литературе представляет собой не столько сооружение, сколько нравственное пространство, включающее в себя такие понятия, как семья, род, родина, история, а также содержащее в себе идеи спокойствия, благополучия и защищенности. Ю. М. Лотман выделяет дом как знаковый элемент культурного пространства: «Это внутреннее, замкнутое пространство, носитель значений безопасности, гармонии культуры, творчества. За его стенами – разрушение, хаос, смерть» [1, с. 320]. Так, в XX в. из-за критических социальных изменений, происходящих в стране, образ

дома становится одной из доминант русской культуры, а потеря его – причина личного апокалипсиса для целого поколения.

События рубежа веков, кризис сознания, апокалиптические настроения в сознании авторов данного периода находят выражение в переосмыслении архаических мифологем в попытке осознать новую действительность. И мифологема «дом», имеющая особое значение для русской ментальности на протяжении всей ее истории, обрастает новым рядом духовных смыслов: дом и воспоминания о нем становится едва ли не единственным незыблемым элементом действительности и оплотом душевного спокойствия. Так, М. М. Бахтин говорит о «месте вековой прикреплённости жизни поколений», которое «сближает и сливает колыбель и могилу,

детство и старость, жизнь различных поколений» [2, с. 374]. Очевидно, что наличие дома является одной из нравственных опор, критично необходимых каждому человеку.

В конце XIX – начале XX в. в творчестве русских писателей представлено патриархальное понимание дома: дворянская усадьба или деревенская изба вдали от цивилизации, наедине с природой; но к исходу 1920-х гг. дом обретает двойственную трактовку как внутри государства, так и за его пределами: дворянское гнездо прекратило свое существование как явление действительности, а для полного принятия новой реальности и уклада жизни как у эмигрантов, так и у оставшихся в России не прошло, поэтому авторы метрополии, как и авторы русского зарубежья в изображении дома обращаются к уже изживающей себя и практически сакральной деревенской действительности. Так, в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» Дом выполняет функцию «некоего центра, в котором совмещаются разновременные культурные пласты», является центром мироздания главного героя, а тема дома постигается автором как тема России [3, с. 165].

В диссертации М. С. Анисимовой, посвященной выявлению специфики бытования мифологеми «дом» в автобиографической прозе первой эмиграции, звучит мысль о том, что «дом обладает особой функцией, которая более всего затрагивает проблему идентичности. Это пространство, отражающее модель мироздания, обратная его сторона – феномен бездомности духа, неприкаянности и поиска “дома души” в странничества» [4, с. 7]. Действительно, особый трагический характер мифологема получает в прозе русского зарубежья из-за вынужденного прощания с родиной и приобретает еще более острый оттенок в прозе второй эмиграции из-за бегства от репатриации. Потеря дома для эмигранта – биографический и историче-

ски обусловленный факт, а утерянный дом становится фактически утерянным раем, подобно проклятию рода человеческого воспринимаются эмигрантами и революционные события начала века: «Господи, грешили деды, отцы наши и мы сами – делами, мыслями, нерадением, но неужели недостаточно крови, пота, слез, тюремной неволи и лагерных изнурений за все наши провинности? Сжался, Отец Небесный, смилости, разгони тьму, разбей оковы, верни свободу нашей великой стране-великомученице!» – восклицает главный герой рассказа «Дуга» Р. Березова, делясь историей о своем старом доме, которого его лишили в ходе несправедливого раскулачивания [5, с. 55]. Настоящей трагедией представляются простым жителям не только события гражданской войны, но и ее последствия: лишаются своего дома, а вместе с ним и связи с родом даже те, во имя кого революция совершалась.

Таким образом, для литературы русского зарубежья мифологема дома становится ключевым элементом, а утопические картины дореволюционной России – одним из важнейших географических и одновременно идейных центров творчества множества эмигрантов. Так, первая волна не только проживает новый духовный опыт, но и предопределяет дальнейшие тенденции, нашедшие отражение в творчестве авторов последующих волн (И. А. Бунин «Жизнь Арсеньева», И. С. Шмелев «Лето Господне», М. А. Осоргин «Времена», А. М. Ремизов «Взвихренная Русь» (1927), В. В. Набоков «Другие берега» и пр.).

Однако стоит отметить, что если «первые» эмигранты до последнего верили в свое скорое возвращение домой и при всех видимых преимуществах жизни за рубежом душой и мыслями оставались в России, то «вторые» однозначно понимали, что возвращение в их случае невозможно: репрессивный аппарат послевоенного СССР по отношению

к репатриантам однозначен и жесток, а это значит, что единственным верным решением становится поиск нового дома как можно дальше от советской России. Так, в их творчестве мифологема «дом» раскрывается совсем иначе, появляется противопоставление домовоспоминания дому реальному. С одной стороны, дом здесь, на Родине. С другой – дом там, в Америке, которая становится для прошлых дипийцев финальной точкой их вынужденного странствия. Герои в эмиграции находятся на границе между двумя мирами¹, стараются найти свой дом и успокоение, однако удается это немногим. Большинство так и останутся людьми без гражданства, а следовательно, без дома, без покоя, в вечном поиске нравственной опоры.

Особым образом мифологема дома раскрывается в творчестве представителя второй эмиграции Родиона Березова, одного из крупнейших авторов второй волны данного периода. Он оставил колоссальное наследие: 17 сборников, изданных только в Америке, и порядка 20 под псевдонимом Д. Новоселов, выпущенных до переезда в США. И в каждом из них большая часть рассказов будет посвящена образу родного дома и печали о невозможности его обретения: «Я мечтаю – побывать на Родине – на Волге. Днепре, в Крыму и на Кавказе, где когда-то доставлял наслаждение публике веселыми рассказами. Но от осознания, что эта мечта неосуществима, душу охватывает боль» [6, с. 264].

Сам автор являлся выходцем из многодетной крестьянской семьи, поэтому русская деревня – место, в которое он неоднократно будет возвращаться в своем творчестве. Стоит отметить, что уже в ранних очерках и рассказах

в 1920–1930-х гг. автор отдавал предпочтение именно душевным зарисовкам простой деревенской жизни. Известный публике под именем Родиона Акульшина, он являлся одним из первых «деревенщиков». Его талант был отмечен такими авторитетными классиками, как Д. Бедный и М. Горький [7]. Будучи одним из немногих эмигрантов второй волны, успевших прославиться в СССР до эмиграции (в довоенный период Р. Акульшин выпустил более 40 отдельных изданий), он и в позднем творчестве неоднократно рисует картины маленькой русской деревни. С отъездом в США тематика его произведений не изменилась, однако рассказы стали более проникновенными и теперь изображают не всегда приятные для крестьянина последствия действий большевиков: вместе с привычным изображением добрых русских людей в творчество писателя входит мотив разрушения привычного уклада жизни.

Важно отметить, что в целом не внешнее изображение является определяющим для рассматриваемой мифологемы. Отношение к дому – одна из важнейших составляющих образа дома, особенно в контексте выражения национальной идентичности, поскольку менталитет сильно влияет на трактовку того или иного понятия и отражает основные внутренние ценности человека. Так, в творчестве эмигрантов дом включает в себя скорее расширительную коннотацию – это не просто помещение, но и окружение, и эмоции, испытываемые автором по отношению к этому духовному пространству. Дом в творчестве писателей-эмигрантов – это одновременно и родное место, и цель жизненных поисков, и Родина, утерянная

¹ Для многих авторов жизнь в эмиграции и невозможность возвращения на Родину становится центральной проблемой в литературном творчестве: попытки ассимилироваться и вместе с ними глубокая тоска по родине становятся важнейшими проблемами в трудах многих авторов. Так, неоднократно мотив потерянности звучит в творчестве второго эмигранта Л. Ржевского, одно из главных произведений которого носит название «Между двух звезд»; жизни в эмиграции посвящены сборники «Кочевья» Б. Филиппова, «Теплый мрамор» В. Самарина, «Мой дом» С. Голлербаха, сборники Т. Фесенко, Н. Троицкого и др.

или вновь обретенная: «Бесконечные заволжские степи. Жаворонки с весны до осени. Вьюги под медленный колокольный звон. Леса по берегу Самарии. Застывшие в поднебесье коршуны. Золотые и голубые купола церквей. Прыгающие шары перекасти-поля. Овраги, луга, ветряные мельницы. Это моя родина», – именно через отношение к дому выражается сопричастность русской действительности, в оставшейся в воспоминаниях малой родине находится нравственная опора, позволяющая найти силы на преодоления [8, с. 9].

Родившись в бедной крестьянской семье, Родион Березов не понаслышке знает, что такое настоящая русская деревня: «Большая семья ютилась в тесной бревенчатой избе с тремя подслеповатыми окошками. Рамы на окошках были одинарные. Зимой на них намерзали толстым слоем заморские пальмы. Чтобы увидеть, что творится на улице, дети усердно продували маленькие круговники», – пишет он в автобиографическом рассказе «Клоун» [8, с. 9]. Именно таким представляется родной дом в творчестве автора: укромный уголок, с которым связывают светлые воспоминания. Дом – это и тесная изба, и двенадцать детишек, и песни слепого деда Тимофея. Он полон гармонии и света, повседневная суета в нем говорит о мирном течении жизни и о преемственности поколений. Утопическая картинка наполненного богом пространства спустя годы мытарств и длительный и сложный путь эмигранта представляется настоящим раем. Подобные описания мы неоднократно встретим и в других рассказах автора.

Но ностальгические воспоминания о родной земле в творчестве Р. Березова не отменяют любовного отношения к новой, вновь обретенной родине, а мотив утерянного дома связан скорее не с эмиграцией, а с социальной действительностью 1920–1930-х гг. и протестом против социальных преобразо-

ваний большевиков. В центре нашего внимания сборники рассказов «Любви все возрасты покорны», «Звезда» и «Букет», каждый из которых содержит зарисовки быта простых крестьян в России периода становления новой власти и жизни русских беженцев по ту сторону океана в послевоенное время. В эмигрантском творчестве Р. Березов начинает регулярно обращаться к религиозным традициям и обрядам, что определяет одну из художественных особенностей творчества автора и демонстрирует эволюцию его художественного мира: изображение наполняется христианскими мотивами и образ дома приобретает мифологическое смысловое наполнение, схожее с творчеством эмигрантов первой волны.

В сборнике «Любви все возрасты покорны» мотив божественного вмешательства является одним из центральных: его герои неоднократно исполняют задуманное лишь с божьей помощью: «Не надо верить глазам, надо прислушиваться к Божьему голосу», – говорит о выборе невесты один из героев рассказа «Замухрышка». Возможно, именно поэтому столь горькой представляется новая действительность, «выгнавшая» Бога из России: «...Как говаривали в старину, когда везде церкви красовались и колокола по всей России-Матушке гудели» [9, с. 54]. Фактически мы можем говорить о реализации мотива блудного сына, который также является одним из ключевых компонентов для русской литературы в целом и литературы эмиграции в частности.

«Человек без родины» – центральный образ для литературы эмиграции – приобретает совершенно новое прочтение в творчестве авторов второй эмиграции и входит в семантическое поле мифологии дома. Потеря Родины теперь сопровождается не столько чувством вины и безнадежности в попытке исправить сложившуюся ситуацию в прошлом и настоящем, сколько чувством обиды

за вынужденное и безвременное прощание с домом.

Герои малой прозы автора, несмотря на лобовое отношение к привычному русскому укладу, к эмиграции относятся скорее фаталистически, стараясь примириться с новыми реалиями жизни и пытаясь выстроить ее с нуля. Однако перемены внутри страны они воспринимают совсем иначе, намного болезненнее: непростительным кажется насильственное реформирование привычного уклада, неоднократно они возражают изменениям, произошедшим с их жизнью после революции. Но несогласие с новой действительностью сопровождается и поистине христианской верой в возможность воскрешения минувших дней. Герои часто выражают надежду на скорое восстановление былого порядка: «А я опять про свое – вздыхает Варвара и даже приостанавливается, – а вдруг бы в Москве все наши правители раздобрелись и объявили: “Колхозной каторге – конец... советская власть отменяется... живите и работайте каждый по своему плану и желанию...”» [5, с. 7].

Особенно остро рассматриваемая нами проблема стоит в рассказе «Дуга», где повествователь ведет беседу со стариком Афанасием Чурилиным, которого новая власть в прямом смысле лишила дома: «Дом у меня другой был, теперь в нем колхозная канцелярия... отобрали имущество, а в ссылку не дали трогать», – рассказывает дед историю своего «раскулачивания» [5, с. 55]. Несправедливость ситуации осознает не только герой, но и люди, вынужденные у него этот дом отобрать: кулаком он никогда не являлся, все имущество нажил своим трудом, оттого особо горька потеря родного дома: пришлось отдать все, теперь только одну дугу прячет он на чердаке под сеном как память о былых временах: «Как заберусь по лесенке на чердак, да сяду возле этой дуги, так вся прошлая красота и воскресает перед глазами».

С большой грустью показывает Родион Березов, как в судьбах его героев разрушает привычный уклад жизни новая социальная действительность.

В рассказе «Добрая душа» мы видим картинку куда более жестокою, здесь уже описывается разорение настоящей русской усадьбы: «И вот визирь этот погибельный закрутился, разорили наши буртики и бабы райский уголок, раздребезжили разноцветные стекла, кусты поломали, мебель растащили, рояльную музыку на волю выволокли» [9, с. 80]. Не просто мебели лишили старинные усадьбы, но выволокли и надругались вместе с ней над настоящей русской душой: дом Аполлона Юрьевича представляется практически живым существом, которое извратили большевики. Любопытно, что подобное обращение вызывает возмущение именно у простой крестьянки, о событиях 1917 г. она отзывалась следующим образом: «Умным головам от большого ума хорошая жизнь наскучила». Неоднократно в произведениях как самого Березова, так и других эмигрантов, вопреки расхожему мнению о повсеместной поддержке революции простым народом, именно крестьяне будут возмущены насильственному изменению привычного уклада жизни.

Описывая жизнь в эмиграции, Березов неоднократно с благодарностью отзывается об Америке как о стране, приютившей бездумных и обездоленных, однако даже идиллическое описание не выражает той любви, с которой автор описывает родные русские пейзажи:

«На фоне ярко-зеленых подстриженных газонов кусты крупных голубых и розовых гортензий, розы всех расцветок, ромашки, герани – были так уместны и необходимы на этих тихих улочках и переулках...», – встречаем мы описание в рассказе «Шляпа с хвостиком» [5, с. 99]. Несмотря на разнообразие флоры, очевидно, что «уместность» ни в какое сравнение не идет с душевной теплотой и нежностью, которые вкладывает автор

в описание русских пейзажей. Например, в рассказе «Звезда» из того же сборника мы встречаем следующее описание: «За степным привольем на многие сотни километров тянутся поля, откуда веет тонким ароматом созревшего хлеба и сладостью невзрачной повилики...» Даже поразительное разнообразие садовых цветов не способно вытеснить из сердца автора родную невзрачную травинку. «По родине, – душа тоскует, по русской мягкой траве, по нашей земле – черной, рассыпчатой, которая сквозь пальцы босых ног фонтанчиками пробивается...» – рассказывает добрая душа в одноименном рассказе про тоску своего мужа – бывшего дворянина [5, с. 88].

Оказавшись в эмиграции вдали от Родины, Р. Березов не только сохранил близость к новокрестьянской литературе, с которой начинал свой творческий путь, но и сумел по-новому отразить социально-исторические процессы, происходя-

щие в России в первой половине XX в.: разрушение идиллического мира старой России глазами простого крестьянина и потеря последней связи с родной землей. Заложённая еще в советском периоде творчества автора традиция в эмиграции наполняется новыми смыслами: особым художественным мифологизмом и ориентацией на христианскую традицию. Таким образом, мифологема «дом» в творчестве Р. Березова позволяет проследить эволюцию образа дома и Родины в творчестве эмигрантов второй волны. Образ дома в литературе послевоенной эмиграции реконструируется: типичное для эмигрантов первой волны представление о доме как о финальной точке вынужденного странствия и превращается в эфемерную мечту о потерянном рае, поскольку ни воссоздать утерянную Россию, ни вернуться в нее у нынешнего поколения уже точно не получится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю. Дом в «Мастере и Маргарите» // Лотман Ю. Семiosфера. СПб., 1999. 703 с. С. 313–319.
2. Бахтин М. Идиллический хронотоп в романе // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики: исслед. разных лет. М., 1975. 504 с. С. 373–391.
3. Петрова Т. Г., Захарова В. Т. Проза Ив. Бунина: аспекты поэтики. Н. Новгород: НГПУ, 2013. 112 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение: реф. журн. 2015. № 1. С. 158–166.
4. Анисимова М. С. Мифологема «дом» и ее художественное воплощение в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции (на примере романов И. С. Шмелева «Лето Господне» и М. А. Осоргина «Времена»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007. 17 с.
5. Березов Р. М. Звезда. Сакраменто, 1966. 157 с.
6. Березов Р. М. Лебединая песня. М.: Протестант, 1991. 314 с.
7. М. Горький – о литературе: статьи 1928–33 гг. М.: Советская литература, 1934. (17 ф-ка нац. книги треста «Полиграфкнига»). 298 с.
8. Березов Р. М. Букет. [Б. м.]: [б. и.], 1977. 297 с.
9. Березов Р. М. Любви все возрасты покорны. Springfield (Missouri): [б. и.], 1971. 103 с.

REFERENCES

1. Lotman Yu. Dom v "Mastere i Margarite". In: Lotman Yu. *Semiosfera*. St. Petersburg, 1999. 703 p. pp. 313–319.
2. Bakhtin M. Idillicheskiy khronotop v romane. In: Bakhtin M. *Voprosy literatury i estetiki: issled. raznykh let*. Moscow, 1975. 504 p. Pp. 373–391.

3. Petrova T. G., Zakharova V. T. *Proza Iv. Bunina: aspekty poetiki*. Nizhny Novgorod: NGPU, 2013. 112 p. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7: Literaturovedenie: ref. zhurn.* 2015, No. 1, pp. 158–166.
4. Anisimova M. S. Mifologema “dom” i ee khudozhestvennoe voploshchenie v avtobiograficheskoy proze pervoy volny russkoy emigratsii (na primere romanov I. S. Shmeleva “Leto Gospodne” i M. A. Osorgina “Vremena”). *Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. N. Novgorod, 2007. 17 p.
5. Berezov R. M. *Zvezda*. Sakramento, 1966. 157 p.
6. Berezov R. M. *Lebedinaya pesnya*. Moscow: Protestant, 1991. 314 p.
7. M. Gorkiy – o literature: statyi 1928–33 gg. Moscow: Sovetskaya literatura, 1934. (17 f-ka nats. knigi tresta “Poligrafkniga”). 298 p.
8. Berezov R. M. *Buket*. [B. m.]: [b. i.], 1977. 297 p.
9. Berezov R. M. *Lyubvi vse vozrasty pokorny*. Springfield (Missouri): [b. i.], 1971. 103 p.

Петрова Анастасия Александровна, аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет
e-mail: nroslavceva@gmail.com

Petrova Anastasiia A., PhD post-graduate student, Russian Literature of XX–XXI Centuries Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University
e-mail: nroslavceva@gmail.com

Статья поступила в редакцию 14.03.2023
The article was received on 14.03.2023